

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2024-4-124-137

О. А. Журавлева¹

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева (Самара, Россия)*

ПОЭТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РОМАНАХ ДЖ. ОСТИН

В статье идет речь об особенностях художественной рефлексии повседневности в творчестве Дж. Остин. Упорядоченность нарратива рассматривается как основное повествовательное изобретение буржуазной Европы: с введением художественным сознанием модерна повседневности в сферу описания в ритм английского романа проникает логика рационализации, вытесняя собой поэтику приключения. В романах Остин реализуется поэтическое воплощение английского буржуазного быта рубежа XVIII-XIX вв. Отмечается, что проблематика некоторых романов Остин близка проблематике викторианских романов. Делается вывод о том, что в творчестве Дж. Остин намечается путь, по которому пойдет развитие английского реалистического романа в XIX в.

Ключевые слова: модерн, реализм, буржуазное сознание, викторианский роман

O. A. Zhuravleva

Samara National Research University (Samara, Russia)

THE POETICS OF EVERYDAY LIFE IN J. AUSTEN'S NOVELS

The article deals with the artistic reflection of everyday life in J. Austen's novels. The orderliness of narrative is considered as the main narrative invention of bourgeois Europe: with the introduction of everyday life into the sphere of description by modern art consciousness, the logic of rationalization penetrates into the rhythm of the English novel, displacing the poetics of adventure. Austen's novels realize the poetic embodiment of the English bourgeois life of the turn of the XVIII-XIX centuries. It is noted that the problems of some Austen's novels are close to ones of Victorian novels. It is concluded that J. Austen's novels outline the path that will follow the development of the English realist novel in the XIX century.

Keywords: modernity, realism, bourgeois consciousness, Victorian novel

---

¹ Ольга Алексеевна Журавлева – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. (Самара, Россия) E-mail: zhuravchic@gmail.com.

За понятием «повседневность» в западном сознании закреплены такие характеристики, как устойчивость, привычность, упорядоченность, регулярность, предсказуемость. Роль повседневности в искусстве возрастает в той культуре, в которой доминантой является человек, поскольку повседневность не представима без человека, она «возникает там, где есть человек» [Золотухина-Аболина, 2006, с. 51]. Повседневность – пространство, конституируемое социальным взаимодействием, самоочевидная и имманентная, «сама собой разумеющаяся данность», «мир, создающийся в их (человеческих. – *О. Ж.*) мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реального» [Бергер, 1995, с. 38]; это интересующий «мир людей», где «Я» находится в постоянном взаимодействии с Другими, с которыми его связывает общность забот, труда, взаимопонимание: «С самого начала повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним» [Шюц, 1988, с. 129].

Поворот западного сознания от общего к частному, от сенсационного к обыденному связан со становлением «негероического» буржуазного сословия правящим классом в западной Европе XVI-XVIII вв. Художественное сознание начинает обращать внимание на субстанцию, из которой состоит жизнь, порождая поэзию повседневности, оно открывает для искусства скрытые жизненные ритмы, регулярную повторяемость человеческой деятельности, методичность, продиктованную стремлением к изгнанию из повседневности всякой случайности – все то, что Г. Лукач называл «господством порядка над настроением, прочного над проходящим, спокойного труда над гениальностью» [Лукач, 2006, с. 106].

По мере интенсификации художественной рефлексии повседневности открывается эстетический потенциал изображения частной человеческой жизни в ее обыденности, который находит свое наиболее последовательное воплощение в поэтике реализма. Раньше, чем в других европейских странах, традиция эстетизации повседневности в литературе складывается в Англии, где включение бытового окружения, ритуалов и обычаев, описания человеческих нравов в художественно-эстетическое пространство романа происходит в XVIII в. в рамках просветительского реализма Д. Дефо, Дж. Свифта, Г. Филдинга, Т. Смоллетта, О. Голдсмита, М. Эджворт, сентиментализма С. Ричардсона, Л. Стерна, Ф. Берни. Однако «общее пробуждение повседневности» (Ф. Моретти) происходит в начале XIX в., и одной из первых фокусирует внимание на повседневном аспекте жизни среднего класса Дж. Остин, романы которой описывают быт английского мелкопоместного дворянства рубежа XVIII-XIX вв.

Поскольку романы Остин принадлежат к литературе переходного периода, их жанровая природа остается предметом дискуссий в литературоведении. В произведениях Остин находим критику сентиментальных романов второй половины XVIII в. («Разум и чувства»), пародию на готическую литературу («Нортенгерское аббатство»), скрытую дискуссию с дидактическими романами («Эмма»), традицию романа нравов и бытописательного романа, романтические и реалистические черты. Обращение автора к современной действительности в ее повседневном аспекте резко контрастировало с эскапистскими задачами предромантической прозы, в частности готического романа, уводившего читателя от реальности, используя фантастические элементы и избегая бессобытийности, обыденности. Я. Уотт относил Остин к последователям Филдинга и Ричардсона, т. к. она использовала их «иронию, реализм и сатиру, чтобы создать автора, превосходящего обоих» (*здесь и далее перевод мой.* – О. Ж.) [Todd, 2015, p. 21].

Остин отвергает сентиментализм и романтизм как художественное мировоззрение, хотя и использует некоторые их элементы, вместо этого возвращая свой роман на «тонкую нить» традиции Ричардсона и Филдинга для «реалистического изучения нравов» [Grundy, 2014, p. 196] и развивая реалистические традиции английского просветительского романа на фоне господствующих пре- и романтических тенденций (творчество В. Скотта, Х. Уолпола, А. Радклифф, К. Рив, О. Голдсмита).

Среди исследователей широко распространено мнение, что романы Остин представляют собой переход к реалистическому роману², в частности О. МакДонах полагает, что «Разум и чувства» «вполне может быть первым английским реалистическим романом» [MacDonagh, 1991, p. 65, 136–137].

Наконец, существует взгляд на романы Остин как на поддающиеся конкретной жанровой идентификации: так, А. Ю. Саркисова предлагает включать их в традицию «усадебного» романа, который «развивал любовно-психологическую коллизию, сопряженную с проблемой личностного самосознания» [Саркисова, 2009, с. 48] (в британо-американском литературоведении используется понятие «country house novel»).

---

² См. Litz, A. W. Jane Austen: A Study of Her Development. – New York: Oxford University Press, 1965. – P. 3-14; Duffy, J. Criticism, 1814–1870 // The Jane Austen Companion. – New York: Macmillan Publishing Company, 1986. – P. 93-94; Waldron, M. Critical Response, early // Jane Austen in Context. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 83, 89-90; Grundy, I. Jane Austen and literary traditions // The Cambridge Companion to Jane Austen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 195-197.

Несмотря на то, что вопрос о реализме романов Остин остается открытым, уже современниками отмечался вклад, который писательница сделала в развитие романной прозы начала XIX в. В. Скотт в рецензии на «Эмму» в «The Quarterly Review» от октября 1815 г. называет Остин создательницей современного романа (modern novel), «принадлежащего к типу художественной литературы, возникшей почти в наши дни и рисующих героев и события, в большей степени опираясь на обыденную жизнь, чем это допускалось прежними правилами романа» [Scott, 1815].

Скотт отмечает принципиальное отличие романов Остин от *romance* и произведений, изображающих *la belle nature*, идеальную жизнь, которое заключается в том, что, отвергая событийность в романтическом смысле, они предлагают принципиально новое понимание драматизма и событийности: вместо «дикого разнообразия происшествий» и «романтической чувствительности» «искусство копирования природы в том виде, в каком она действительно существует в обычных сферах жизни, и представление читателю вместо великолепных сцен воображаемого мира, правильное и яркое изображение того, что ежедневно происходит вокруг него» [Там же]. В той же статье он сравнивает романы Остин с фламандской живописью: «Знание мира автором и своеобразный такт, с которым она представляет характеры <...> чем-то напоминают нам о достоинствах фламандской школы живописи. Предметы изображения не всегда элегантны и уж точно не величественны, но они выписаны в соответствии с природой и с меткостью, которая восхищает читателя» [Там же]. Впоследствии, предпринимая единственную в своем творчестве попытку создать роман, посвященный современности («Сент-Ронанские воды», 1823), Скотт определяет свою задачу как «celebrare domestica facta» – «прославить события обыденной жизни», как того требовал Гораций в «Ars Poetica», «подражать изменчивым нравам нашего времени и рисовать сцены, оригиналы которых ежедневно проходят вокруг нас, чтобы минутное наблюдение могло сравнить копии с оригиналами» [Scott, 1823]. Очевидна связь художественного замысла и эстетической позиции Скотта с романами Остин.

Хотя творчество Дж. Остин нельзя причислить к викторианской литературе хронологически (викторианская эпоха начинается в 1837 г., последний роман Остин опубликован посмертно в 1818 г.), проблематика некоторых ее романов близка проблематике викторианских романов. Так, Б. Коллинз считала, что «Мэнсфилд-парк», принадлежащий зрелому периоду творчества писательницы, является «предтечей чопорной благопристойности... расцветшей в пятидесятые годы» [Collins, 1949, p. 175], а Д. Сесил называл романы Остин «морально-реалистическими» [Cecil, 1978, p. 115].

Проблема приличия – одна из центральных в романе. В центре повествования – судьба Фанни Прайс, живущей на правах бедной родственницы в доме сестры своей матери. Кроме горячо любимого кузена Эдмунда, готовящегося к рукоположению, все ее родственники – люди с разного рода моральными изъянами. Ключевое событие романа – неудавшийся спектакль, репетицию которого молодые люди устраивают в отсутствие хозяина дома. Фанни осуждает постановку пьесы с вульгарным сюжетом, сочтя ее неприемлемой для молодых дворян, способной поставить их в неоднозначное с точки зрения светского общества положение. Композиционное и идейное противостояние консервативных добродетельных Фанни и Эдмунда харизматичным аморальным Крофордам заканчивается счастливым союзом первых и наказанием последних. Правила хорошего тона – фундамент социальных отношений в эпоху Дж. Остин, все ее романы так или иначе исследуют вопросы репутации и нравственности, однако введение героев, ревностно следующих предписаниям морали и потому отчетливо возвышающихся над остальными, появление религиозной темы и героя-священника, на которого не распространяется авторская ирония, подчеркнуто серьезное отношение главных героев к долгу, вере, семейным ценностям и т. д. в большей степени характерны для викторианской литературы. Их появление в романе Остин свидетельствует о складывании новой системы ценностей в британском обществе и предвосхищении писательницей английского реалистического романа.

Обращает на себя внимание камерность романов Остин. Об ориентации автора на изображение знакомого компактного мира писал А. С. Уорд: «Остин была честна как с самой собой, так и с другими, и она не могла притворяться, что то, что происходило в других странах, сильно огорчало ее или что иностранные дела интересовали ее в сотую долю так же, как то, что происходило в ее собственной деревне» [Ward, 1958, p. 2]. Несмотря на то, что действие романов Остин приходится на достаточно бурный период английской истории (Великая французская революция, борьба за независимость Америки и Ирландии, Наполеоновские войны, индустриализация, аграрная революция и т. д.), пространство романов герметично и часто замыкается границами усадьбы или небольшого городка, а если героям приходится путешествовать, то эти поездки совершаются из острой композиционной необходимости и в пределах Англии.

Только в неоконченном «Сэндитоне» герметичность усадебного мира нарушается, и в него начинают вторгаться «чужаки», а мистер и миссис Хэйвуд если и не любят путешествовать сами, то уже не возражают против путешествий своих детей. Чаще же герои перемещаются между господскими домами:

Элизабет Беннет предпринимает значимое для развития сюжета путешествие в соседскую усадьбу, когда заболевает ее сестра; Эмма Вудхаус перемещается исключительно между своим поместьем, поместьями соседей и городком Хайбери, не желая покидать привычные места; Энн Эллиот испытывает сильную привязанность к родовому имению Киллингхолл и никогда не выезжала в Лондон; Фанни Прайс, навещая дом своей семьи в Портсмуте, приходит в ужас от обстановки в нем и с облегчением возвращается к своим опекунам.

Замкнутое пространство и отсутствие у героинь необходимости выходить за него определяется эстетической позицией писательницы: Остин интересуется частная жизнь с ее «негероическими» темами – сплетнями, встречами, браками, рожденьями и смертями, доходами и расходами, вопросами наследования и проч., соответственно, центр мира романов – дом, «место пространственно-временной локализации повседневности, в котором сконцентрирована частная жизнь человека» [Телегина, 2016, с. 17]. М. де Серто, исследуя феномен повседневности, указывал на «фундирующую» функцию «обыкновенной жизни». Комментируя это наблюдение, А. Марков замечает, что в случае, когда происходит «быстрая смена режимов существования», человек вынужден «искать себе опору в самых простых вещах, окружающих его» [Марков, 2014, с. 56]. Анализируя особенности изображения домашнего пространства в творчестве Э. Гаскелл, О. В. Телегина отмечает следующее: «эстетизация дома и сада романтизирует обыденность, придает ей черты оптимального жизнеустройства, воплощает идею привлекательности стабильного, неторопливого существования <...> эта неспешность противопоставлена стремительным социальным изменениям, характерным для индустриальной эпохи» [Телегина, 2016, с. 20].

Социальная проблематика романов Гаскелл не близка Остин, однако в связи с промышленной революцией сельская Англия начинает меняться уже в первые десятилетия XIX в. В поздних романах писательницы появляется определенное беспокойство о будущем, ощущение надвигающихся изменений, ностальгия по деревенскому укладу жизни, привычным вещам и обычаям. Так, в незаконченном романе «Сэндитон», один из главных мотивов – прощание со старой Англией. Мистер Паркер, гостящий в доме главной героини, с любовью вспоминает Сэндитон в те времена, когда тот был небольшой рыбацкой деревней; теперь же город ждет модернизация – превращение в модный морской курорт с купальными машинами, который в скором времени должны заполнить туристы. Экономические изменения пробуждают к жизни нетипичных для произведений Остин героев: хозяйку местных библиотеки и универсаль-

ного магазина миссис Уитби с дочерью, чей бизнес испытывает затруднения, состоятельную наследницу-креолку мисс Ламбе, прибывшую в Англию, чтобы быть выданной замуж за бедного племянника леди Дэнем, садовника, чей доход должен быть поддержан в соответствии с ценами местного рынка, небогатую семью, нуждающуюся в благотворительности. Складывается впечатление, что герои романа, участвуя в приближении будущего, все чаще обращают взгляд на прошлое. Эту двойственность подмечает Э. Копленд: для него мир Сэндитона «полон надежд и депрессивен, принципиален и наивен, смотрит в будущее и не уверен в нем, смотрит также в прошлое, но, как и для Адама и Евы, с меланхолией взирающих на Эдемский сад, надежды на возвращение нет» [Copeland, 2005, p. 325].

Мотив тоски по прошлому отчетливо звучит в сцене, когда карета Паркеров поднимается на холм к их новому дому в Сэндитоне, миссис Паркер видит старое наследное поместье супруга в долине и вздыхает о прошлом: «Это всегда был очень уютный дом, – сказал мистер Паркер, глядя на него через заднее окно с чем-то вроде нежности и сожаления, – И такой красивый сад, такой превосходный сад» [Austen, 1817].

Буржуазное сознание реализует себя в чувстве здравого смысла и практицизма, которыми проникнуты все романы Остин. Шаткое экономическое положение женщины и необходимость его улучшения – основная тема ее произведений, а авторская ирония направлена в том числе на экономические аспекты общественной жизни («Холостяку, располагающему приличным состоянием, надлежит иметь нужду в обзаведении женой – все на свете признают сие за истину»). Финансовые обстоятельства персонажей направляют сюжет, именно события, связанные с делами наследования зачастую служат завязкой для повествования («Разум и чувства», «Гордость и предубеждение»).

Героини Остин рациональны или обретают рациональность в ходе своего нравственного взросления, они оказываются успешны, поскольку ставят здравый смысл над чувствами в мире, где залог счастливой развязки – удачное совпадение финансового и любовного интересов. Для романов Остин не характерна поэтика вещного мира в смысле пристального внимания к предметам быта – в отличие от более поздней романной традиции ее тексты крайне скупы на описания интерьеров и туалетов, даже описания природы достаточно лаконичны (пейзаж в качестве метафоры эмоционального состояния героини появляется в «Доводах рассудка», последнем и самом печальном романе Остин), однако им присуще чувство материальности, это стабильный мир,

подчиненный движению капиталов, обитатели которого озабочены вопросами доходов и расходов так же, как они озабочены нравственными вопросами. Несмотря на то, что этому художественному миру недостает цветов и форм (Н. Пейдж замечает, что в романах Остин наблюдается «заметное отсутствие слов, относящихся к физическому восприятию, миру форм и цветов, а также чувственным реакциям» [Page, 1972, p. 54–55]), а степенью психологизма персонажей он уступает романам В. Скотта и М. Эджуорт, он реалистичен в том смысле, что в нем изображено то, что реально есть, и читатель способен узнать в нем себя и существующий порядок вещей. Не будучи писателем-реалистом в полном смысле слова, Остин тем не менее является «историком повседневности» [Galperin, 2003, p. 31].

По этой причине героями Остин не становятся экзотические фигуры, а моряки и военные – пришельцы из внешнего мира, овеянные атмосферой романтических странствий, – занимают периферийное место в повествовании. В этих романах нет места «ни трагедии, ни героизму» [Woolf, 1925], они прозаические в гегелевском смысле: их герои принадлежат миру конечности и изменчивости, запутанности в относительном, давления необходимости, от которой человек не в состоянии отстраниться.

Обстоятельства, случайности, болезни, естественные потребности, привычки, общественные условности, повседневные препятствия, использование человека как средство для достижения собственных целей – вот из чего состоит жизненное пространство романов Остин. Вследствие этого происходит масштабирование незначительных, пустячных происшествий, которые разрастаются до нарратива («То, что выходит из-под ее пера <...> соотнесено не с пасторским домом, а со всей вселенной» [Woolf, 1925]).

В. Набоков, анализируя «Мэнсфилд-парк», так подводит итог произведению: «мы... получили некоторое удовольствие, созерцая ее *тонко выписанные узоры*, ее *коллекцию изящных безделушек*, собираемых в хлопковой вате, – удовольствии, впрочем, вынужденное. Мы должны были проникнуться определенным настроением, определенным образом *сфокусировать взгляд*» [Набоков, 1998, с. 101]. Это ироничное наблюдение подчеркивает кукольность, как бы несерьезность, но вместе с тем искусную проработанность художественного мира Остин. Оно совпадает с тем определением, которое сама автор давала своему письму: «небольшой кусочек (шириной в два дюйма) слоновой кости, над которым я работаю такой тонкой кистью, создающей мало эффекта после долгих трудов» [Faye, 1997, p. 146].

Повседневность героев Остин состоит из прогулок, встреч, сплетен, званных обедов и сельских балов, поэтому сюжетообразующими становятся элементы социального взаимодействия – взгляды, жесты, фразы, незначительные поступки. Так, невероятное огорчение Фанни Прайс приносит наблюдение за сценой, в которой Эдмунд касается руки Мэри Крофорд, когда та катается на одолженной у Фанни лошади. Нравственное прозрение Эммы Вудхаус происходит после пикника на Бокс-Хилл, когда она подшучивает над болтливостью мисс Бейтс. Элинор Дэшвуд разлучается с Эдвардом после того, как его сестра делает пространственный намек миссис Дэшвуд на нежелательность союза. Завязка «Гордости и предубеждения» – реакция Элизабет на подслушанные ею слова мистера Дарси. Все душевные движения героев Остин, их радости и огорчения, как правило, вызваны незначительными, *нероманными*, как указывал Скотт, с точки зрения прежней литературной традиции, повседневными событиями. Однако с ростом внимания искусства модерна к человеческой личности мелкие по своему масштабу события включаются в художественный мир произведения и становятся значимыми, не переставая быть «мелкими», они становятся нарративными, не переставая быть повседневными.

Известно, что всякий нарратив «по необходимости содержит описательные элементы, придающие произведению определенную статичность» [Шмид, 2003, с. 19]. Прием «задержания», с помощью которого в романе реализуется сопротивление нарративу, – это интенсивный способ разъединения элементов повествования с выраженной фатической функцией: оставляя сюжетную последовательность открытой, он позволяет удерживать контакт с читателем, вызывая у того опасение, что логическая последовательность сюжета может быть нарушена и не восстановлена. Преобладание «филлеров» (англ. filler – наполнитель) в романе доставляет читателю стабильное удовольствие на протяжении всего процесса чтения, которое коррелирует с регулярностью буржуазной жизни, превращая роман в «спокойную страсть» [Хиршман, 2012, с. 107–108.]: хотя филлеры могут содержать процент неопределенности, она остается весьма ограниченной и не несет ощутимых последствий для развития сюжета. Ф. Моретти отмечает рационализирующую функцию филлеров: «балласт рационализирует романский мир, превращая его в такой мир, в котором сюрпризы – редкость, приключений стало меньше, а чудеса не происходят вовсе» [Моретти, 2014, с. 118].

Внезапное ускорение жизни, изменение привычных повседневных практик и появление новых в связи с промышленной революцией, урбанизацией и другими новшествами модерна приводят к тому, что сознание человека пы-

тается удерживать убаюкивающую и удаляющую жизнь под контролем, что в итоге приводит к замедлению темпа повествования в романе. Прозаический труд – форма жизни человека модерна, именно он определяет темп, ритм, контур, т. е. образ жизни; в соответствии с этим господством долга над желанием, регулярности над временностью буржуазная профессия «вследствие таинственного взаимодействия жизненных форм и типических переживаний глубоко вторгается во всякое творчество» [Лукач, 2006, с. 106]. Ежедневные практики буржуазии находят отражение в романном повествовании XIX в., сосредоточенном вокруг событий повседневной жизни, подчиненной установленным ритмам и правилам поведения. Художественные приемы, задерживающие повествование, потому сродни хорошим манерам, столь важным в романах Дж. Остин: и те, и другие являются механизмами, призванными держать «нарративность» жизни под контролем, придавать регулярность, «стиль» существованию. Происходит своего рода усмирение поэтики приключений, свойственной традиционалистской культуре, рациональной трудовой этикой модерна. Роман должен более-менее соответствовать темпу повседневной жизни читателя, в которой значимые события происходят редко, а повседневность заполняют рутинные действия, рефлексия, взаимодействие с людьми и вещами. Х. Ортега-и-Гассет по поводу понимания вымышленного современным человеком пишет следующее: «Если внимательно рассмотреть наше повседневное понимание реальности, легко убедиться, что реально для нас не то, что происходит на самом деле, а некий привычный нам порядок событий. В этом туманном смысле реально не столько виденное, сколько предвиденное, не столько то, что мы видим, сколько то, что мы знаем. Когда события принимают неожиданный оборот, мы считаем, что это невероятно» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 127]. Одно из главных открытий Остин – перемещение фона происшествия на первый план, а самого происшествия – на задний, замена неслыханного, необычного знакомым и повседневным. В романе XIX в. воображаемое все дальше отходит на второй план, замещаясь многомерной современной действительностью, которая расширяет и углубляет сферу эстетического; тем самым искусство производит, по словам Ортега-и-Гассета, «максимальное эстетическое обогащение, которое только можно вообразить» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 130].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бергер, П.** Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Медиум, 1995. – 323 с.
2. **Золотухина-Аболина, Е. В.** Повседневность: философские загадки / Е. В. Золотухина-Аболина. – Киев: Ника-Центр, 2006. – 256 с.

3. **Лукач, Г.** Буржуазность и L'ART POUR L'ART / Г. Лукач // Лукач Г. Душа и формы. Эссе. – Москва: Логос-Альтера, 2006. – 264 с.
4. **Марков, А.** 1980: год рождения повседневности / А. Марков. – Москва: Европа, 2014. – 192 с.
5. **Моретти, Ф.** Буржуа: между историей и литературой / Ф. Моретти. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 264 с.
6. **Набоков, В. В.** Лекции по зарубежной литературе / В. В. Набоков. – Москва: Изд-во Независимая Газета, 1998. – 512 с.
7. **Ортега-и-Гассет, Х.** Размышления о «Дон Кихоте» / Х. Ортега-и-Гассет / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва: Искусство, 1991. – С. 113–150.
8. **Поэтика: слов, актуальных терминов и понятий** / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. – Москва: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
9. **Саркисова, А. Ю.** Поэтика английского романа о «дворянских гнездах» (на материале романа Джейн Остин «Мэнсфилд-парк») / А. Ю. Саркисова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 318. – С. 48–51.
10. **Телегина, О. В.** Эстетизация повседневности в романах Элизабет Гаскелл: автореф... дис. кан. филол. наук. Специальность: 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (английская литература) / О. В. Телегина. – Нижний Новгород, 2016. – 25 с.
11. **Хиршман, А.** Страсти и интересы: капиталистические аргументы в пользу капитализма до его триумфа / А. Хиршман. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2012. – 200 с.
12. **Шмид, В.** Нарратология / В. Шмид. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
13. **Шюц, А.** Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социальные исследования. – 1988. – № 2. – С. 120–136.
14. **Austen, J. Sanditon (1817).** – Boston: Houghton Mifflin Company, 1975 // Internet Archive. – URL: https://archive.org/stream/Sanditon/JaneAustenssanditon_djvu.txt (дата обращения: 04.04.2024).
15. **Cecil, D.** A Portrait of Jane Austen. – London: Constable & Company Limited, 1978. – 208 p.
16. **Collins, B.** Jane Austen's Victorian Novel // Nineteenth-Century Fiction – 1949. – Vol. 4. – №3. – P. 175–185.
17. **Copeland, E.** Money (Chapter 29). Jane Austen in Context. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 317–326.

18. **Faye, D.** Jane Austen's Letters. Third Edition. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 643 p.
19. **Grundy, I.** Jane Austen and literary traditions// The Cambridge Companion to Jane Austen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 192–214.
20. **MacDonagh, O.** Jane Austen: Real and Imagined Worlds. – New Haven: Yale University Press, 1991. – 186 p.
21. **Moretti, F.** Serious Century// The Novel. Volume 1. History, Geography, and Culture. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – P. 364–400.
22. **Page, N.** The Language of Jane Austen. – Oxford: Blackwell, 1972. – 208 p.
23. **Scott, W.** Sir Walter Scott on Jane Austen (1815)// Famous Reviews: Selected and Edited With Introductory Notes. Ed. R. Brimley Johnson. – London, 1914// Project Gutenberg. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/11251/pg11251-images.html> (дата обращения: 04.04.2024).
24. **Scott, W.** St. Ronan's Well (1823)// The Project Gutenberg. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/20749/20749-h/20749-h.htm> (дата обращения: 04.04.2024).
25. **Todd, J.** The Cambridge Introduction to Jane Austen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 190 p.
26. **Ward, A. C.** Pride and Prejudice: Introduction and Notes. – London: Longmans, Green and Co, 1958. – P. 2–8.
27. **Woolf, V.** Jane Austen by Virginia Woolf (1925)// Monadnock Valley Press. – URL: <https://monadnock.net/woolf/austen.html> (дата обращения: 04.04.2024).

REFERENCES

1. **Berger, P.** Social'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sociologii znaniya / P. Berger, T. Lukman. – Moskva: Medium, 1995. – 323 s.
2. **Lukach, G.** Burzhuaznost' i L'ART POUR L'ART / G. Lukach // Dusha i formy. Esse. – Moskva: Logos-Al'tera, 2006. – 264 s.
3. **Markov, A.** 1980: god rozhdeniya povsednevnosti / A. Markov. – Moskva: Evropa, 2014. – 192 s.
4. **Moretti, F.** Burzhua: mezhdru istoriej i literaturoj / F. Moretti. – Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara, 2014. – 264 s.
5. **Nabokov, V. V.** Lekcii po zarubezhnoj literature / V. V. Nabokov. – Moskva: Izd-vo Nezavisimaya Gazeta, 1998. – 512 s.

6. **Ortega-i-Gasset, H.** Razmyshleniya o «Don Kihote»/ H. Ortega-i-Gasset// Ortega-i-Gasset, H. Estetika. Filosofiya kul'tury. – Moskva: Iskusstvo, 1991. – S. 113–150.
7. **Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatii**/ [gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko]. – Moskva: Izd-vo Kulaginoi; Intrada, 2008. – 358 s.
8. **Sarkisova, A. Yu.** Poetika anglijskogo romana o «dvoryanskih gnezdah» (na materiale romana Dzhejn Ostin «Mensfild-park»)/ A.Yu. Sarkisova// Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 318. – S. 48–51.
9. **Telegina, O. V.** Estetizaciya povsednevnosti v romanah Elizabet Gaskell : avtoref... dis. kan. filol. nauk. Special'nost': 10.01.03 – literatura narodov stran zarubezh'ya (anglijskaya literatura)/ O. V. Telegina. – Nizhnij Novgorod, 2016. – 25 s.
10. **Hirshman, A.** Strasti i interesy: kapitalisticheskie argumenty v pol'zu kapitalizma do ego triumfa / A. Hirshman. – Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara, 2012. – 200 s.
11. **Shmid, V.** Narratologiya / V. Shmid. – Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.
12. **Shyuc, A.** Struktura povsednevnogo myshleniya / A. Shyuc// Social'nye issledovaniya. – 1988. – № 2. – S. 120–136.
13. **Zolotuhina-Abolina, E. V.** Povsednevnost': filosofskie zagadki / E. V. Zolotuhina-Abolina. – Kiev: Nika-Centr, 2006. – 256 s.
14. **Austen, J.** Sanditon (1817). – Boston: Houghton Mifflin Company, 1975// Internet Archive. – URL: https://archive.org/stream/Sanditon/JaneAustenssanditon_djvu.txt (дата обращения: 04.04.2024).
15. **Cecil, D.** A Portrait of Jane Austen. – London: Constable & Company Limited, 1978. – 208 p.
16. **Collins, B.** Jane Austen's Victorian Novel // Nineteenth-Century Fiction – 1949. – Vol. 4. – №3. – P. 175–185.
17. **Copeland, E.** Money (Chapter 29). Jane Austen in Context. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 317–326.
18. **Faye, D.** Jane Austen's Letters. Third Edition. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 643 p.
19. **Grundy, I.** Jane Austen and literary traditions// The Cambridge Companion to Jane Austen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 192–214.
20. **MacDonagh, O.** Jane Austen: Real and Imagined Worlds. – New Haven: Yale University Press, 1991. – 186 p.

21. **Moretti, F.** *Serious Century // The Novel. Volume 1. History, Geography, and Culture.* – Princeton: Princeton University Press, 2006. – P. 364–400.
22. **Page, N.** *The Language of Jane Austen.* – Oxford: Blackwell, 1972. – 208 p.
23. **Scott, W.** *Sir Walter Scott on Jane Austen (1815) // Famous Reviews: Selected and Edited With Introductory Notes.* Ed. R. Brimley Johnson. – London, 1914 // Project Gutenberg. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/11251/pg11251-images.html> (дата обращения: 04.04.2024).
24. **Scott, W.** *St. Ronan's Well (1823) // The Project Gutenberg.* – URL: <https://www.gutenberg.org/files/20749/20749-h/20749-h.htm> (дата обращения: 04.04.2024).
25. **Todd, J.** *The Cambridge Introduction to Jane Austen.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 190 p.
26. **Ward, A. C.** *Pride and Prejudice: Introduction and Notes.* – London: Longmans, Green and Co, 1958. – P. 2–8.
27. **Woolf, V.** *Jane Austen by Virginia Woolf (1925) // Monadnock Valley Press.* – URL: <https://monadnock.net/woolf/austen.html> (дата обращения: 04.04.2024).